

Александр Скориков

Беда с этими честными

НАД ЧЕМ МЫ СМЕЯЛИСЬ ДО

ПЕРЕСТРОЙКИ

БЕДА С ЭТИМИ ЧЕСТНЫМИ

Когда даже обычный человек начнёт вести себя с вами честно, то и тогда хлопот не оберёшься. А если честным окажется врач...

Вот, например, сделали пару лет назад моей жене операцию. Сама завотделением резала, умница, кандидат наук. А потом, когда жена пришла поблагодарить её, эта самая докторша цветы взяла, а от духов, которые я с таким трудом через Яна Владимировича достал, отказалась. Мол, принципиально не беру подарков.

Мы с супругой от такой честности две ночи не спали, у неё обострение началось.

А что оказалось? Через знакомых выяснилось, что духи хоть и французские были, но врачаха пользуется другой маркой.

Так ты же интеллигентный человек! Намекни заранее. Нет, они не могут, они честные, скромные.

А мы с женой, как оплёванные были, все в нас пальцами тыкали. Супруга ревела, ревела, а потом

работу поменяла, чтоб в другую поликлинику ходить.

Теперь на днях вот я сам попал в хирургию с аппендицитом, прямо из института привезли. Виталий Николаевич — молодой такой, симпатичный доктор, — часа четыре в моём животе копался.

Сейчас лежу я в палате, через несколько дней выписка, и всё размышляю: какой ему презент преподнести. Теперь я учёный, понимаю, что нельзя это дело на самотёк пускать.

Стал советоваться с соседями по комнате. Один говорит: «Чего тут рассусоливать? Если врач — баба, то цветы и духи, если мужик — коньяк».

Я как про духи услышал, мне сразу нехорошо стало.

Второй сосед — худой такой язвенник — отговаривает: «Какой коньяк? Чтобы твоя супруженица запела, если бы ты каждый день с работы бутылку приносил? Тут надо что-нибудь для семьи, чтоб и жена рада была. Хрусталь, например».

Запомнил я пожелания, а сам решил к главврачу сходить: кому же ещё лучше запросы своих подчинённых знать?

Главврач — мужчина солидный, вопросу моему не удивился, понимает, что не из праздного любопытства. Вслух стал размышлять:

— Виталий Николаевич? Хоть он и молод, но из первого периода, — когда берут всё, что дают, коньяк, например, — уже, конечно, вышел.

Слава богу, думаю: попёрся бы с бутылкой, как осёл.

— А окончился ли у него второй период — хрусталия и прочих безделушек, — право, наверное сказать не берусь, — засомневался главврач. — Сам-то я музыкой увлекаюсь, пластинки коллекционирую.

Вышел я от него, на всякий случай в записной книжке пометку о пластинках сделал. А что — не последний раз болеем.

Но с медиком моим всё равно никакой ясности. Может, ему по-простому в конверте дать?

Ловлю я тогда нашу нянечку.

— Родной ты мой, — успокаивает она меня, — это только мы рублёвками берём, а у докторов за семь лет учёбы латынь все нормальные чувства вытеснила. Про Виталия Николаевича узнать можно, почему нельзя. Только тяжело, — завздохала она, — ох, тяжело!

И я полез в карман, где лежали специально наменянные женой рублики.

К вечеру выяснилось, что хрусталём у Виталия Николаевича забита вся квартира, но хобби он себе ещё не выбрал, а потому лучшей благодарностью было бы какое-нибудь простенькое

украшение для его жены: перстенёк с бриллиантом или ещё что...

Я, конечно, сейчас же подключил супругу и вскоре уже показал нянечке ожерелье из натуральных камней. Та одобрила, а я на свою беду поинтересовался, как у Виталия Николаевича с честностью.

— Очень, — сказала нянечка. — Просто кристальный человек. Во всей больнице, пожалуй, такого честного не сыщешь.

Мне б, дураку, уже б тогда от такой рекомендации насторожиться.

Настал день выписки, захожу я в кабинет. Посмотрел Виталий Николаевич ожерелье, вздохнул:

— Очень красивая вещь, но я не могу её принять. Понимаете, — оправдывается, — не заслуживает этого моя работа...

— Ну, это уж позвольте нам решать!

Всучил я ему, за дверь выскочил, пот со лба вытираю.

— Взял? — спрашивает нянечка. Добрая душа, за меня болеет.

— Взял, — отвечаю облегчённо, — едва уговорил.

— Я же предупреждала, что он очень честный.

— Да, говорит, моя работа не достойна такого...

— Само собой, — поддакивает нянечка. — Если бы он у тебя аппендикс чикнул — и всё, а то он, ведь, и желудок тебе скальпелем пропорол: повозиться пришлось, зашивать. Нет, редкой совести человек, теперь таких почти и не осталось...

БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Плотный, коренастый мужчина в рабочей спецовке приоткрыл дверь с табличкой: «Директор»:

— Можно, Иван Иванович?

— А, Кашкин, заходи! — Директор радостно зашагал из-за стола, захлопал вошедшего по плечам. — Как семья, дети, здоровье как? Ты, говорят, в армии водолазом служил, есть ещё порох?

Кашкин в смущении кивал. Директор подвёл его к окну: весь заводской двор был уставлен недоукомплектованными тракторами.

— Вася, — сказал директор, показывая за окно, — ты родному заводу помочь можешь?

— Так это, — замялся тот.

— Нужно съездить и добыть запчасти.

— Ну нет, — запротестовал Кашкин, — там надо трали-вали разводить, жлобов всяких охмурять. Это не по мне.

— Да ты вообще дела с людьми иметь не будешь, — успокаивал директор. — Нужно просто будет достать и привезти.

— Да? А далеко ехать-то? К празднику обернусь?

— От тебя будет зависеть. Но одних только командировочных даём тебе тысячу долларов.

У Василия округлились глаза.

— Это куда же — на Колыму, что ли?

— При чём тут Колыма? — скривился директор. — Успеем ещё. — Он обернулся и ткнул пальцем в карту на стене за своим креслом. — А посылаем тебя вот сюда — в Бермудский треугольник.

Кашкин онемел. А директор поднял лежащую на столе газету, где одна из заметок была обведена красным, и доверительно разъяснил:

— Там на днях теплоход с запчастями для тракторов затонул. Так что тебе всего-то и надо будет — нырнуть. Найти. Достать. И привезти.

— А... А это... — не находил слов Кашкин.

— А что делать? — развёл руками директор. — По нынешним временам это всё равно будет и надёжнее, и дешевле. Тут главное — чтоб не перехватил никто.

БИЗНЕС

Завсектором НИИ Перегудову и старшему инженеру Чучкину выпал жребий навестить своего забюллетеневшего коллегу Мамедова. Правда, сам он болен не был, у него что-то там с бабушкой, но ведь это даже лучше, вы не находите?

Была припасена ёмкость, содержимое которой должно было, если уж не поставить старушку на ноги, то, по крайней мере, поднять настроение у замордованного в конец внука, ибо бабушка у Мамедова — хроник: болеет, чуть ли не семь дней на неделе.

Пришлось заскочить ещё на рынок: надо же и больной что-нибудь подкупить, неудобно всё-таки. Прямо морока с этими бабушками: попробуй придумай, что им принести. Да и ужасно нерентабельны эти все апельсины — ну, сами согласитесь, какая из них закуска?

Но когда страхделегаты очутились в рыночной толчее, то увидели там... Мамедова. Бабушки, правда, видно не было, да и внучек интересовался всё почему-то особами молодыми и юными.

Он перехватывал очередную, шептал что-то на ушко, и уводил за киоск. И уже через пару минут девушка выпархивала оттуда вся сияющая, запихивая в сумку наимоднейшие сапоги.

Рассчитывать, что за киоском лежит в инвалидном кресле умирающая бабушка, было, по меньшей мере, глупо. И стражделегаты воспылали справедливейшим гневом: они тратят рабочее время, чтобы навестить этого нахала, а он здесь обделывает свои делишки. Ему нипочём сорвать общественное, запланированное месткомом мероприятие. Представьте себе, если бы они просидели полдня под дверью этого негодяя? С пересохшим — конечно, от волнения — горлом!

— Товарищ Мамедов! — окликает официальным тоном Перегудов своего подчинённого. — Вы же отпросились у меня с работы, потому что у вас больна бабушка!

— Конечно, — невозмутимо соглашается Мамедов, даже не очень смущённый появлением начальника, — но она в Баку.

У Перегудова от такой наглости отнимается язык. Увидев это, Чучкин берёт инициативу в свои руки.

— Вы знаете, как называется то, что вы делаете? — восклицает он, пиная ногой огромную сумку Мамедова с «товаром».

— Тс-с! — перебивает тот и, наклонившись, шепчет: — Это бизнес.

Перегудов приходит в себя:

— Вы, кандидат наук, получаете двести сорок рублей в месяц...

— П-ф-ф! Да разве это деньги? — презрительно сплёвывает Мамедов и доверительно сообщает: — Я вот здесь день проторчу — и оклад у меня в кармане.

Эта мысль вклинивается в голову Перегудова как томагавк, а Чучкин, ничего не замечая, продолжает напирать грудью на «бизнесмена», норовя в очередной раз поддеть ногой сумку:

— А где вы берёте столько?

— Из Баку подсылают.

— Больная бабушка?

Но Перегудов прерывает обличительный запал Чучкина, беря его за локоть:

— Но если за день — месячная зарплата, то, сколько же это выходит в месяц?

— В месяц? — не сразу находится Чучкин, проморгав, что мысль начальника свернула на боковые рельсы.

— В месяц! — сердится Перегудов. — В год! При моём окладе! Считайте же, чёрт побери!

Чучкин выхватывает из кармана калькулятор:

— А на сколько дней?

— Без выходных работаете? — деловито уточняет Перегудов у Мамедова.

— Без выходных, — вздыхает тот. — Адская работа.

— В среднем, месяц за год идёт, — подводит итог Чучкин, поднимая голову от калькулятора.

— То есть, — вслух размышляет Перегудов, — я месяц здесь — год отдыхаю, два месяца, — он возбуждается, — два года, три месяца...

— Три года ничего не делаете, — заверяет Мамедов.

— А я? — вдруг вспоминает Чучкин, но Перегудов его отталкивает:

— Или три года могу путешествовать!

— Или три года можно коньяк пить! — подсказывает Мамедов.

— Или три года играть в преферанс! — вклинивается Чучкин.

— Или три года на взморье лежать! — уже вопит Перегудов.

— Или три года можно сидеть! — добавляет неизвестно откуда взявшийся сержант милиции, плечом раздвигая Перегудова и Чучкина и беря за локоть Мамедова.

Онемевшие страждедеlegates смотрят вслед Мамедову и милиционеру, потом Перегудов вытирает пот:

— Да, работа хорошая, но... вредность повышенная.

Но не проходят они и десятка шагов, как вновь окаменевают: из-за торговых рядов выворачивает Мамедов, но уже... один.

— А где сержант? — в один голос

спрашивают Мамедова растерянные коллеги, а тот лишь пожимает плечами, не понимая их возбуждения:

— А что — сержант? Вы что же думали: сразу в кутузку? Ха! Моя милиция меня бережёт! — И, вздохнув, добавил: — Сержант — тоже человек. У него тоже жена есть. Тридцать восьмой носит.

ИЗВЕСТНАЯ НЕИЗВЕСТНАЯ БОЛЕЗНЬ

Помогите, доктор, погибаю! От неизвестной болезни. Какие симптомы? Не вижу! Да не надо на меня так смотреть, доктор, я не псих, у меня вот и справка есть.

Доктор, я вам всё по порядку расскажу.

Как вы по форме догадались, я в ГАИ служу. Прихожу утром на пост — и всех нарушителей насквозь вижу. Вон «жигуль» скорость превысил, вон «москвич» на красный рубит, вон «Мерседес»...

Ну, думаю, голубчики, держитесь: сейчас я вас всех к ногтю.

Ан, нет, тут меня эта самая болезнь и подстерегает. Остановливаю я, допустим, тот «жигуль», только соберусь штраф выписать, а водитель, значит, бочком-бочком и что-то мне в карман — шась и сунет!

И у меня в глазах сразу — щёлк! Налево

гляжу, направо — нет «жигуля»! Пропал!

Останавливаю «москвич» — и его водитель к моему карману ладится.

Не поверите, доктор, полчаса не пройдет, карман, как опухоль, на печень давит, а в глазах ну просто просветление какое-то: куда ни глянешь — вокруг одни только честные люди.

Вот и прошу вас, доктор: справку дайте, что болен. А то на работе майор ругается, приказ уже заготовил об увольнении из рядов по недоверию. Никто, понимаете, верить не хочет, что я болен.

Что значит, нет такой болезни? Вы уж постарайтесь, доктор, отыщите в своих справочниках...

Что значит — ни в каких книгах нет? А я говорю — есть! А я докажу! Вот видите у меня в руках такой толстенький конвертик? Теперь я его вам в карман халата определяю.

Ой, доктор, что с вами?

Не видите? Меня — не видите? Но хоть бланк для справки различаете? Так больше ничего и не требуется!

Одно тревожит — заразный вы теперь, доктор. Но утешает, что не мы с вами первые, кто заболел этой прекрасной болезнью, и не последние — за нами идут миллионы!

Почему болезнь «прекрасная»? Потому, что она единственная, где деньги платят тебе.

Шекспир сказал: «Весь мир — театр». Он был бо-ольшой оптимист.

Весь мир — это хоспис: место для неизлечимо больных.

ГДЕ ДОСТАТЬ ГУГОЛ?

Телеграмма пришла хмурым весенним утром. Владька прямо-таки вопил: «Срочно достань один гугол. Бери любой, даже левой резьбой. Расходы мой счёт. Надеюсь на твою сообразительность. Подробности письмом».

«Зачем ему? Машину купил, что ли?» — подумал Денисов и вздохнул: где его искать, этот гугол? Но делать нечего, раз друг просит.

Он вытащил из холодильника бутылку портвейна и спустился на этаж.

Отворивший дверь сантехник Митя, увидев торчащее из кармана гостя бутылочное горлышко, тут же выставил на стол стаканы.

— Понимаешь, мне нужен гугол, — сказал Денисов, не решаясь доставать из кармана портвейн: не напрасная ли будет трата? Правда, через секунду этот вопрос отпал сам собой, так как Митя взял инициативу в свои руки и, наполняя стаканы, радостно заверил:

— Гугол? Да у меня валяется где-то!

Денисов почувствовал облегчение, что всё

разрешилось так быстро и удачно.

Но в гараже, перерыв весь хлам, Митя ничего не нашёл.

— Это наследничек, сукин сын, упёр! Ладно, идём к дяде Васе. Мастер — золотые руки! Он тебе чёрта в ступе выточит.

— А с материалом как?

— Не бойсь, он на большом заводе служит. У них там только манны небесной нет.

— А как же оттуда вынесешь? — засомневался Денисов.

Шут его знает, подумал он, какие габариты у этого гугола.

— То, что нельзя вынести, всегда можно вывезти, — выдал «на гора» Митя и сам первый рассмеялся.

Дядя Вася пролистал свои чертежи, аккуратно подшитые в папки.

— Знаю, что точил я этот гугол. В прошлом году, кажется. Вот куда чертёж задевал, хоть убей... А без чертежа...

Но посоветовал попытать счастья у Жоры с автостанции.

— Гугол? — переспросил Жора, вытирая ветошью ладони. — На импортную «тачку», что ли?

— А чёрт его знает! — выругался Денисов. Ему уже порядком надоели эти хождения.

— Забеги недельки через три: запчасти должны поступить. Раньше не обещаю, — объяснил ситуацию Жора.

Денисов мотался по магазинам, телеателье, автопаркам, спрашивал у таксистов, знакомых, и все отвечали, — что знают, что будет, что могут достать, но надо подождать.

Наконец ему посоветовали обратиться к «Кириллычу из мебельного»:

— Он всё может достать.

В мебельном магазине ему показали на молодого мужчину с какими-то тусклыми, погасшими глазами.

Едва Денисов открыл рот, как Кириллыч перебил его:

— Джинсы? Дублёнку? Кожаный пиджак?

— Гугол, — едва не простонал тот.

У собеседника спала пелена с глаз, в них загорелся живой огонёк.

— Так, — наполненным радостью голосом отчеканил он, доставая записную книжку, — гугол. Телефон есть? Давай адрес.

— Мне срочно, — напомнил Денисов.

— Замётано, — кивнул Кириллыч. — Быстрее меня никто всё равно не достанет. Но как будет — привожу даже ночью.

Прошло три дня. Возвратившись с работы, Денисов нашёл в почтовом ящике письмо от

Владьки.

«Привет, дружище! Ну как, проверил свою сообразительность? Я ведь телеграмму тебе давал первого апреля! А ты, наверное, искал этот гугол? Э, брат, читать надо больше! Знаешь, что это такое? Если миллион — это десять в шестой степени, то гугол — десять в сотой. Чем интересно это число? Тем, что во всей вселенной нечего им обозначить. Даже атомов в ней меньше. Шикарно, а? Надеюсь, что ты ещё не утратил чувство юмора и не злишься. До встречи!»

Денисов улыбнулся, вспомнил институт, их группу, заводилу Владьку...

В дверь позвонили, и в комнату ввалился Кириллыч, за ним в коридоре толпились мужики, тащившие что-то громоздкое, опланкованное.

— Здорово! — заорал восхищённый «мебельщик». — Ну, удружил! Все какую-нибудь дребедень достать просят, один ты человек! Кириллыч сказал: будет — получай! — он призывным жестом дал команду грузчикам вносить. — Расшевелил ты меня, совсем киснуть стал. А тут такое дело! Уж за одно это я тебе этот гугол даром отдам — всего полтыщи сверху!

— Так его же не бывает, — пробормотал побледневший Денисов.

— А я про что! — вскричал Кириллыч. — Да я всем твержу: разве такие вещи в магазинах

бывают? Я на базу сунулся — и там нет. Туда, сюда — как корова языком слизала. Но меня ведь полстраны знает. Звоню ребятам в КБ: братишечки, надо! И дело в шляпе. Потому, что у нас каждый готов горы своротить. А если простому советскому Левше без волокиты хорошие деньги заплатить — он тебе лунный грунт и на земле сделает, ракету посылать не надо будет.

ГЕНИАЛЬНОСТЬ КЛАССИКА

Вот вы говорите: классиков мало читают, классики устарели. А я вам так скажу: ерунда всё это — у классиков любая строчка и века спустя за душу берёт.

Возьмём Некрасова, например: сто лет, как умер, а без слёз невозможно читать знаменитые строки, где он мечтает, что настанет время и русский мужик «...не Блюхера и не милорда глупого — Белинского и Гоголя с базара понесёт».

Как прозорливо предвидел наш век Николай Алексеевич! Здесь каждое слово — на вес золота!

«С БАЗАРА»!

Конечно, не из магазина же, где который уже год пустуют полки с художественной литературой.

«ПОНЕСЁТ!»

Какой блистательно употреблённый глагол! Конечно, понесёт, ибо «базар» или иначе

называемая «толкучка», которая почему-то не в чести у милиции и дружинников, каждый раз собирается где-нибудь у чёрта на куличках, откуда до ближайшей остановки идти да идти, нести и нести...

«НЕ МИЛОРДА»!

Увы! И рад бы простой работяга купить у «жучка» произведение какого-нибудь западного писателя, но это же какую зарплату иметь надо?

Только-только на Гоголя и наскребёшь...

ДОХОДЧИВОЕ СЛОВО

— Эй, Пузырьков! — окликнул бригадир Бабкин проходившего мимо парня со сварочным агрегатом. — Скажешь ребятам: на опробование журналист приедет. Пусть порядок наведут, каски оденут. Да, и чтоб выражений...

Он погрозил монтажнику кулаком.

Пузырьков обиделся:

— Первый раз, что ли?

Шагая вдоль густой сети трубопроводов, Бабкин «давал показания» молодой журналистке, неумоимо строчившей в своём блокноте.

От огромного пульта управления, занимавшего полстены цеха, им навстречу зашпешил встревоженный Пузырьков:

— Егорыч! В седьмом отсеке давление

падает!

Бабкин быстро обежал взглядом гирлянды мигающих лампочек на пульте и спросил:

— Внизу кто? Сидоркин?

Увидев утвердительный кивок Пузырькова, решил:

— Точно, 214-й кран не открыл!

Он прошёл к люку в полу и, став на колени, крикнул вниз:

— Сидоркин!

По железному трапу загрохотали башмаки, и в проёме появилась чумазая сонная физиономия в новенькой каске.

Бабкин покосился на присевшую рядом журналистку с раскрытым блокнотом и медовым голосом обратился к подчинённому:

— Юра, дорогой, прошу...

От такого потока вежливости у того округлились глаза:

— Чего?

Бабкин занервничал — ему явно мешала корреспондентка, — но удержался и смягчил свирепость в голосе:

— Юрий Николаевич, будьте так любезны...

У Сидоркина от изумления отвисла челюсть:

— Чего?

И Бабкин не выдержал:

— «Чего, чего»! Кран открой... ядрёна

мать! — гаркнул он.

Лицо Сидоркина вмиг приняло осмысленное выражение.

— Так бы сразу и говорил! — с обидой крикнул он, скрываясь в люке.

ДРУГАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

— Вот я, дядя, получаю среднестатистическую зарплату, жена, естественно, и того меньше. Туда-сюда, остаётся у нас в месяц свободными всего полсотни рублей. Значит, чтобы купить машину, мы должны копить лет пятнадцать-двадцать. А поглядишь вокруг — чуть ли не каждый третий на личном транспорте раскатывает. Что же они — с пелёнок в копилки откладывали? На скелетов от недоедания не похожи, монахами не живут.

Думал я, дядя, думал — это всё «летающие тарелки», иного объяснения не вижу. Вы слышали, может: за рубежом уже тысячи людей видели инопланетян и на кораблях их бывали.

А у нас вы встречали таких очевидцев? То-то!

Наши люди гораздо скромнее, не любят афишировать свои встречи с другими мирами. Или, может, марсиане зарок берут с тех, кому помогают, не знаю, но только я решился, дядя: хочу и я начать жить по-человечески. И потому пришёл к вам

просить помощи: у вас обширные связи — помогите контакт установить с другой цивилизацией.

— Давно бы так, — дружелюбно похлопал дядя родственника по плечу. — Сколько я твоим родителям твердил в своё время: не надо отдавать тебя в этот институт. Не послушали: «Инженер — это звучит гордо!»

Ладно, наладим тебе контакт. Завтра пойдёшь к Виктору Ивановичу, я ему позвоню.

Начнёшь простым продавцом.

ЗАКОН САТИРЫ

— Что это ты, братец, — говорит мне редактор, — всё трагедии описываешь? То у тебя люди здоровьем маются, то деньги теряют. Ты оптимистичней на жизнь взгляни. Написал бы что-нибудь этакое, светлое. Где все весёлые, радостные.

Ну, я и написал рассказ:

«ЕСЛИ РАДОСТЬ НА ВСЕХ ОДНА».

Грузчики овощной базы перегружали картофель с машины в хранилище, когда в проломе забора появилась небритая физиономия:

— Мужики, даю десятку за мешок!

Через три минуты во дворе базы на одного небритого стало меньше, а грузчики обрадовались, что операция прошла удачно, и появилась возможность пообедать «по-человечески», только бы наступил «Час волка», когда начнут спиртное отпускать.

Их манёвр заметил шофёр, сидевший в кабине. Но он тоже радовался: он при оттаривании машины положил под сидение чугунную чушку, потом её выбросил, и теперь каждый рейс приносил ему прибыль в размере двадцати килограммов картофеля.

Приёмщица базы знала и про грузчиков, и про шофёра, но и она радовалась. Ведь железнодорожные весы, на которых взвешивался вагон с картошкой, имели допуск плюс-минус полтонны, а автомобильные — всего центнер. Разве можно было не радоваться тому большому плюсу, что получался в результате?

Обо всех своих подчинённых знал и заведующий базой. Но и он не унывал. Потому что любил больше всего в жизни игру в почту и не сомневался, что и приёмщица, и завмагазинами куда не денутся и принесут пухленькие конвертики без адреса.

И ещё один человек наблюдал за происходящим: молоденький лейтенант отдела БХСС — в видеискатель кинокамеры. У него тоже

было приподнятое настроение: что удачно выбрал место, что досрочно выполнит задание.

Хорошо было на душе и у автора: набрёл на неизбитую тему.

Повеселел и редактор: будет, что поставить в субботний номер.

И даже читатель от них не отстал. Правда, только один: ответственный работник торговли. Читал он этот рассказ и подпрыгивал от радости: «А я в отпуске, а я в отпуске!»

— Уважаю, растёшь, — приласкал редактор, дочитав рукопись. — Только что это они у тебя все такие борзунчики, будто недельные поросята? Заносит тебя, братец. Ты диалектику знаешь? Закон сатиры? Если один смеётся, другому в это время может быть ох как невесело.

Я стал припоминать — точно!

Когда я написал о восточных людях, что через рынок снабжают нас мандаринами, — ко мне делегация явилась. Интересовалась, имею ли я понятие о кровной мести.

Когда медицину попробовал уколоть, анонимку подбросили. Что, мол, смерть под скальпелем — самая стерильная.

О пожарных вздумал — у тех как раз манёвры подоспели. Почему-то в районе моей квартиры. Теперь год никак не могу жильё отремонтировать.

— Да, — согласился я, — действительно, забыл я про закон сатиры.

— Вот-вот, — поддакнул редактор, — иди и наблюдай жизнь. И законы не переступай.

— А что с рассказом?

— Пусть полежит, — весело успокоил меня редакционный начальник. — Нечего будет ставить — втиснем.

И так он это радостно пообещал, что мне сразу грустно стало. По закону сатиры, видно.

А вы поняли, почему у меня настроение упало? Верно-верно, в самую точку угадали. Я по бодрому тону редактора определил, сколько мне за этот рассказ гонорара пришлют. Опять на третью кружку у Дмитрия Павловича занимать придётся...

КОПЕЙКА РУБЛЬ БЕРЕЖЁТ

— Здравствуйте, Павел Петрович! — в кабинет вошёл стройный моложавый мужчина в галстуке. — Я — председатель колхоза «Рассвет» Быстров. Меня к вам направили, Говорят, ваша виза нужна. Хотим денег подзанять. Через полгода вернём.

— Отчего же, — добродушно согласился Павел Петрович, — деньги дать можно. Главное, на что и сколько.

— Да нам всего и надо — копейку!

— Как? — не поверил своим ушам хозяин кабинета.

— Я вам сейчас всё объясню, — заулыбался Быстров. — Колхоз наш — самый отстающий. Я его неделю как принял. В кассе шаром покати, да и должок таких размеров висит, что ни вздохнуть, ни охнуть. Деньги во как нужны, а где взять? Ведь уйму чего строить надо! Но нашли одну зацепку. Есть у меня скотник Василенко, он всё эксперименты над коровами ставит, чтоб удои повесить, жирность. Так вот он выяснил: если бурёнке перед кормлением дать стакан газировки — она на стакан молока больше даёт. А стакан молока — это уже пять копеек. Можно пять стаканов газировки купить. Ну и так далее, в такой прогрессии, сами понимаете. Через полгода верных сто тысяч прибыли, а если хорошо раскрутимся, то и все полмиллиона. Так что подпишите разрешение, Павел Петрович.

Но тот в ответ только развёл руками:

— Увы, дорогой товарищ Быстров, это невозможно. Это ведь авантюризм получается, волюнтаризм. У вас есть научные рекомендации? Вдруг ваши коровы через полгода какой-нибудь газированной чертовщиной доиться будут? Вы прежде свяжитесь с институтом, они проведут исследования, а потом уж пожалуйста к нам.

— Так ведь на это годы уйдут! А так мы через

шесть месяцев с деньгами будем, с государства тянуть перестанем!

— Это у вас розовый туман в глазах, товарищ Быстров! Василенко этот ваш дым напустил. Он не скотник, а, извините, порядочная скотина: сам дурью мается, и людей с толку сбивает. Вот, допустим, попадётся вам корова с изъяном и не даст лишнего стакана молока. Значит, что — пропала копейка? Вы опять ко мне прибежите: Павел Петрович, одолжите снова, промашка вышла. А я здесь для чего поставлен? Государственную копейку беречь! Случись у вас неудача — какой резонанс будет? Кто, скажут, деньги народные на эти чудеса давал? Зачем же я, товарищ Быстров, из-за ваших несуразных опытов должен премии лишаться? Да и не это главное! Ваша копейка камнем повиснет на шее у Министерства, у всей страны!

— Как же так! — возмутился председатель колхоза. — Мне план выполнять надо, а вы руки вяжете!

— Что тут у вас за шум, Павел Петрович? — в кабинет не спеша вошёл мужчина начальственного вида.

— Да вот, Митрофан Гаврилович, — и хозяин кабинета изложил ситуацию.

— Так вам всего-навсего одну копейку? — расцвёл в улыбке Митрофан Гаврилович.

— Да! — еле сдерживаясь, выкрикнул Быстров.

Митрофан Гаврилович покачал головой:

— Ничего не получится, батенька: я весь этот путь не раз проходил и обжигался. Дадим мы вам копейку, вы фундамент заложите и опять к нам: дайте десять тысяч! Дадим, а через неделю вы тут как тут: стены возвели, дайте сто тысяч укрыть! А потом на оборудование вам миллион выложи. Ну где мы вам миллион возьмём?

— И не надо! — Взорвался Быстров, вскакивая. — Я на эти деньги дорогу сюда до райцентра хотел протянуть. Пусть теперь только дожди хлынут — ни грамма молока в город не привезу, всё равно по дороге скисать будет. И в райкоме так скажу. Буду на месте масло бить, масло тоже народу нужно.

И он пошёл из кабинета.

— Как это — молока в городе не будет? — переспросил растерянно ему вслед Павел Петрович. — Меня жена...

— И у меня же внуки! — вспомнил Митрофан Гаврилович.

Через секунду они уже держали на лестнице Быстрова за локти.

— Что это вы, батенька, такой обидчивый! — ласково уговаривал Митрофан Гаврилович. — Это же шутка, мы вас проверяли. Что же вы сразу не

сказали, что деньги вам на дорогу нужны? Давайте вашу бумаженцию, сейчас мы на ней все печати отшлёпаем, нам не жалко! Но и вы смотрите, не подведите нас: чтоб молоко в городе было! Учтите, мы народный контроль к этому подключим.

— Самый надёжный, — поддакнул Павел Петрович, — домашний.